

Н. Ф. Коган

ГЕНЕРАЛЫ – ИЗМЕННИКИ ПЕРЕД СУДОМ ПАРИЖСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

Ученые записки ЛГУ.
Серия исторических наук.
1940. Вып. 6. № 52. С.143-157.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения*; Юрий Карякин, редактор сайта *Великая французская революция*, 2003
Орфография оригинала сохранена. Примечания и ссылки, выделенные шрифтом, даны ред. *Vive Liberta*

"Весь народ и в особенности массы, т.е. угнетенные классы, были охвачены безграничным революционным энтузиазмом: войну все считали справедливой, оборонительной, и она была на деле таковой. Революционная Франция оборонялась от реакционно-монархической Европы",¹ пишет Ленин по поводу революционных войн эпохи французской буржуазной революции конца XVIII в.

В этих условиях измена родине, предательство на фронтах, шпионаж приобретали характер тягчайшего преступления против французского народа. Многим предателям удалось, к сожалению, ускользнуть от революционного правосудия, но некоторые из них предстали перед судом Революционного трибунала.

17 мая 1793 г. Парижский революционный трибунал начал разбор дела генерала Мясцинского, обвиняемого в сообщничестве с Дюмурье¹ в измене родине.

Обвинительный акт гласил, что Мясцинский получил задание от Дюмурье направиться со своей армией в Лилль, арестовать там комиссаров Конвента, овладеть городской казной, затем направиться в Дуэ, и, арестовав там генерала Моретона, отправиться в Камбрэ и овладеть этим пунктом, и что он приступил к осуществлению этого задания. Все эти обвинения целиком подтвердились. Во время разбора дела выяснилось следующее. Мясцинский дал распоряжение полковникам Дюма и Сен-Жоржу направиться в Лилль со своими войсками, но им это распоряжение показалось явно подозрительным. Отказавшись его выполнить (Дюма и Сен-Жорж заявили, что обязаны непосредственно подчиняться только распоряжениям генерала Дювала), полковники сообщили Дювалю о своих подозрениях. Мясцинский же, собравший все же некоторые силы, направился с ними в Лилль.

Уже находясь в пути по направлению к Лиллю, Мясцинский рьяно старался выполнить задание Дюмурье. Так, свидетель Деглан, бывший мэр Вазема, сообщил Трибуналу, что сам Мясцинский и сопровождавшие его гусары осматривали по дороге все кареты, ехавшие из Лилля, с целью арестовать комиссаров Конвента, если бы они попались им навстречу.

Прибыв в Лилль, Мясцинский начал добиваться свидания наедине с генералом Дювалем, но последний, уже предупрежденный Дюма и Сен-Жоржем, заявил, что будет вести переговоры только в присутствии представителей конституционных властей. Неподготовленный к официальному объяснению, Мясцинский быстро запутался. На вопрос, имеет ли он какое-либо письменное распоряжение от Дюмурье, он ответил, что получил только устные указания от его адъютанта, но затем, под давлением перекрестных вопросов, вынужден был заявить, что имеет письмо от Дюмурье, и должен был зачитать его. На вопрос присутствующих, зачем он направился из Орши в Камбрэ через Лилль при наличии гораздо более короткого пути, растерявшийся Мясцинский заявил, что ему нужно было посоветоваться с генералом Дювалем, для чего он и заехал в Лилль. Но ему возразили, что ведь для совещания с генералом не требуется вести за собой войска. Мясцинский не нашел ответа на этот совершенно логичный вопрос. На

---

¹ О Дюмурье см.: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dmr>.

суде были зачитаны также некоторые документы, с головой выдававшие Мясцинского. Так, изменник писал Дюмурье в ответ на его распоряжения: "Мой дорогой генерал, я получил Ваше письмо и Ваш приказ в 8 часов утра, хотя, судя по времени его отправления, я его должен был бы получить этой ночью; обнимаю Вас и люблю всей душой за принятое Вами смелое решение. Я отвечаю за свои войска, я отправился в путь по направлению к Лиллю в 9 ч. утра, я исполню Ваш приказ или погибну".²

Достаточно характерным документом является также перехваченное письмо Дюмурье к Мясцинскому. Вот его текст (приводим его с сокращениями):

"Главная квартира: Сент-Аманд, 3 апреля 1793 г.

Пароль: "Ребята, следуйте за мной".

Лозунг: "Я отвечаю за все".

"Мои друзья, мои храбрые братья по оружию, мы близки к тому, чтобы давно ожидаемой подлинными друзьями родины. Все с ужасом наблюдают время анархии, когда добрым гражданам приходится всего бояться, а разбойники и убийцы находятся у кормила законодательства. В течение пяти лет наша несчастная родина служит для них источником добычи. Народное представительство, Национальный Конвент, вместо того, чтобы заботиться о ваших нуждах, о вашем пропитании, создавать законы, которые обеспечили бы вам в будущем мирную и спокойную жизнь, проводит время в интригах, в создании заговорщических группировок и в их борьбе и тратит общественные средства на путешествия интриганов, заговорщиков, носящих звание комиссаров. "Они являются в армии не для того, чтобы помочь армиям, не для того, чтобы хоть частично удовлетворить их потребности, но чтобы их дезорганизовать клеветнической информацией и чтобы отправить на эшафот в узаконенной форме ваших храбрых братьев по оружию, ваших генералов, которых вы так часто видели во главе ваших войск, храбро переносящих всевозможные опасности. Наступило время положить конец этой жестокой анархии; наступило время вернуть нашей стране спокойствие. Необходимо дать, законы стране; все средства — в моих руках, если вы мне поможете, если вы мне доверяете. Я готов разделить с вами ваши труды, ваши опасности...

Адъютант генерала (подпись): Лоррери.

На конверте: Генералу Мясцинскому, командующему левым прикрытием в Орши".³

Политическая физиономия Мясцинского также заслуживает внимания. Свидетели рассказали суду о пренебрежительном отношении Мясцинского к комиссарам Конвента, о его частых столкновениях с ними; однажды Мясцинский до того обнаглел, что прямо заявил комиссарам: "Мне нет дела до вашей политики". Таким образом, факт сознательной измены со стороны Мясцинского и его участия в заговоре Дюмурье является вполне доказанным. Генерал-изменник был приговорен к смертной казни. Остается указать на грубую фальсификацию в описании этого процесса буржуазным историком Валлоном, голословно утверждающим, что Мясцинский якобы слепо выполнял распоряжения Дюмурье, ничего не подозревая о его преступных замыслах".⁴

Трибунал разобрал также дело Дево, адъютанта Мясцинского, получившего от Дюмурье задание найти оставшиеся близ Лилля войска Мясцинского и взять их под свое командование и приступившего к исполнению этого распоряжения. Дево было известно о преступных контрреволюционных замыслах Дюмурье. Изменник Дево понес служенную кару.

Аналогичный характер носило дело генерала Лескье. Этот генерал-изменник получил от Дюмурье задание отправиться в Валансьенн и арестовать там комиссара Конвента Белльгарда. Совершенно ясно насколько важно было для Дюмурье обеспечить себе такие важные пункты, расположенные близ места нахождения его армии, как Валансьенн и Лилль. Прибыв поздно вечером в Валансьенн, Лескье направился к коменданту города, генералу Феррану, и передал ему распоряжение Дюмурье об аресте Белльгарда. Но Лескье постигла неудача. Ферран сообщил ему, что, кроме Белльгарда, в Валансьенне находятся только что прибывшие комиссары Конвента Лекинио и Лаппаран.

Растерявшийся Лескье послал запрос Дюмурье, как следует в этом случае поступить. Но на другой день утром по городу распространился слух о преступных намерениях Лескье, и он был задержан. Революционный трибунал приговорил его к смерти на гильотине.

II

Дело Кюстина давно привлекало внимание историков. Реакционная историография, вопреки бесспорным историческим фактам, упорно отрицает, что здесь имел место акт сознательной измены. Однако, предательство Кюстина следует считать фактом, вполне доказанным.

Политическая физиономия Кюстина не может вызывать особых сомненийⁱⁱ. Выходец из старого дворянского рода, Кюстин являлся ярким врагом революции. Уже на заседании Конвента от 5 апреля 1793 г. Марат разоблачил подлинное политическое лицо Кюстина, огласив его письмо к герцогине Лианкур следующего содержания: "Я надеюсь, что Вы не поверили комичным слухам, распространяемым по моему адресу. Вы, конечно, не верите, что справедлив по отношению ко мне тот комичный слух, который Курциус распространил обо мне в народных обществах, выдавая меня за патриота".⁵ Кюстин всячески отрекся от этого письма, но Марат заявил на заседании Конвента, что этот документ находится в Комитете общей безопасности.

Один из адъютантов Кюстина рассказывает в своих мемуарах, каким образом Кюстин воспринял известие о казни короля. "Когда находившийся в Шпейере генерал Кюстин узнал об этом, — пишет автор мемуаров, — он сперва казался удивленным и ошеломленным, по вскоре оправился и сказал, что он никогда не думал, что прибегнут к этой крайности, что не следует подозревать его в привязанности к дому Бурбонов, которых он никогда не любил, но что он считает взятую линию неполитичной".⁶

Во время судебного процесса Фукье-Тенвиль сообщил, что, узнав о казни короля, Кюстин сказал: "Все кончено". Во время процесса было установлено, что Кюстин всячески старался настроить солдат против Конвента и вождей якобинцев. Так, выступавший на суде к качеству свидетеля комиссар Конвента Леонар Бурдон рассказал, что одна женщина, сын которой находился в армии, показала ему, Бурдону, письмо сына, и в этом письме говорилось, что Кюстин обратился к солдатам со следующими словами: "Друзья мои, не моя вина, если вы во всем нуждаетесь; это проклятый Конвент не присылает необходимых вам вещей".⁷

Во время процесса Кюстина свидетель Селлье, комиссар Конвента и Северной армии, сообщил, что он был задержан за распространение в армии революционных газет и пробыл два дня под арестом, после чего был вызван к Кюстину и получил от него замечание. Он рассказал также суду, что Кюстин клеветал на Марата, Робеспьера и Дантона и говорил, что Якобинский клуб состоит из лжепатриотов.

В протоколах заседаний Якобинского клуба тоже встречаются заявления об антиреспубликанских настроениях Кюстина. Так, на заседании 5 июня 1793 г. один военный (фамилия не указана) заявил: "Генерал Кюстин, являющийся в настоящее время нашим главнокомандующим, непрестанно причинял нам неприятности, наводнял армию аристократическими элементами. Надо наблюдать за генералами".⁸ На заседании клуба 9 июня Бильо-Варенн огласил письмо из Камбрэ, в котором говорилось: "Что касается генерала Кюстина, то его тон и мнения являются антиреспубликанскими. Он называет Паша негодяем. По его словам, Марат и Робеспьер — заговорщики... и ему не терпится от того, что не раскрыта их измена".⁹ Аналогичные заявления имели место и на других заседаниях Якобинского клуба.

Все поведение Кюстина в Рейнской армии, даже в дни ее блестящих успехов и побед, могло вызвать естественное подозрение. Он использовал каждую, даже незначительную, трудность для распространения в армии нездоровых, панических настроений. Так, тот же самый адъютант дает следующее описание поведения Кюстина во время продвижения к Майнцу (осенью 1792 г.): "Все было готово, чтобы двинуться в путь и направиться к Майнцу, когда одно обстоятельство, непредвиденное и неправдоподобное, совершенно изменило положение вещей; мы получили известие, что австрийцы быстро идут нам навстречу, что их фуры дошли до Alzei... Генерал Кюстин несколько не был удивлен этой новостью так, как это можно было предвидеть; но его охватил самый сильный страх,

ⁱⁱ О Кюстине см.: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#custn>.

его фантазия придавала крылья врагам, и он вообразил, что, несмотря на расстояние, отделяющее Alzei от Шпейера, австрийцы могут ежеминутно свалиться ему на голову. Абсолютно не сомневаясь в правдивости этого тревожного сообщения, он не считал необходимым проверить принятыми на войне способами факт наступления врага. Страх, овладевший его душой, не дал ему возможности принять какие-либо другие меры, кроме того, чтобы сделать все необходимое для отступления".¹⁰ Это не помешало Кюстину, после того как Майнц был взят, всюду кричать о своей якобы выдающейся роли в этой победе. Последовавшая затем потеря Майнца вызвала справедливое негодование у преданных революционеров, и сомнение в честности Кюстина уступило место твердому убеждению, что здесь было сознательное предательство.

28 июля Барер огласил в Конвенте письмо комиссаров Мозельской армии о капитуляции Майнца и о позорной роли Кюстина в этом поражении. На основании доклада Барера Конвент принял постановление о передаче дела Кюстина в Революционный трибунал. На заседаниях Конвента 31 июля, 4 августа и 12 августа снова встал вопрос о предательстве Кюстина и о необходимости ускорить суд над ним.

Еще настоятельнее выдвигаются требования о суде над Кюстином в Якобинском клубе. 24 июля Дефьё выступает на заседании клуба с предложением просить Комитет общественного спасения ускорить разбор дела Кюстина в Революционном трибунале. 26 июля зачитывается письмо народного общества Камбрэ, в котором выражалось удовлетворение решением Конвента о предании Кюстина суду. Робеспьер выступает с горячей речью, в которой уделяет большое внимание делу Кюстина, доказывая, что все его поведение являлось явно предательским.

15 августа Кюстин предстал перед Парижским революционным трибуналом. Ему было предъявлено обвинение в измене родине, в умышленной сдаче Франкфурта, Майнца, Конде и Валансьенна, в преднамеренно неправильном ведении военных операций (умышленно не были взяты Маннгейм и Кобленц, хотя имелась полная возможность овладеть этими городами). Процесс Кюстина длился 13 дней; все выдвинутые против него обвинения целиком подтвердились.

Показания свидетелей дают основание сделать вывод, что капитуляция Франкфурта явилась непосредственным результатом преступной деятельности Кюстина. Так, свидетель Нагур заявил, что во время своего пребывания во Франкфурте до занятия его пруссаками он обратил внимание на совершенно ненормальную обстановку в городе. Пикеты не были расставлены, мосты не охранялись, прусские шпионы рыскали повсюду. Кюстин старался дискредитировать революционную армию в глазах местного населения, поощряя мародерство во Франкфурте. Свидетель Лемер добавил к этому, что незадолго до капитуляции Франкфурта Кюстин направил туда Гушара, который произвел реквизицию продуктов первой необходимости так грубо и в таких больших размерах, что вызвал этим резкое недовольство среди населения.

Уже эти факты, оглашенные на процессе, доказывают, что Кюстин крайне мало сделал для укрепления Франкфурта и дискредитировал революционную армию, чем сознательно довел дело до капитуляции этого города. Но в настоящее время мы обладаем еще большими доказательствами измены Кюстина; ряд указаний на его предательскую деятельность мы встречаем и в мемуарной литературе. С этой точки зрения несомненно интересны мемуары князя Гарденберга. Последним следующим образом описывает поведение Кюстина во время капитуляции Франкфурта: "Эти странные распоряжения, рассматриваемые как ошибочные виднейшими историками эпохи, дали место такой дилемме: если Кюстин не в состоянии был принять бой, он должен был отступить под защиту пушек Майнца; если же он хотел драться, он должен был идти впереди врага, или хотя бы установить свою линию так, чтобы установить связь с Франкфуртом. Совершенно напротив, он принял все меры как бы для того, чтобы принести в жертву свой гарнизон.

"Мы близки к тому, чтобы сорвать маску, с давних пор скрывающую подлинные мотивы поведения Кюстина. Герцог Брауншвейгский, мало склонный по своему характеру принять битву, когда есть какая-нибудь возможность ее избежать, построил свой план обратного взятия Франкфурта на таких комбинациях, которые давали ему возможность избежать генерального сражения. Он подозревал, или, вернее, он был уверен, что Кюстин сам мало расположен рисковать сражением, чтобы спасти город, не ведя

правильной защиты... Надо было только узнать: распорядится ли он при приближении пруссаков об эвакуации, и запретя ли он в Майнце без боя.

"Вот что произошло:

"Генерал Калькрейт, обогнув горы со своей дивизией, направился к Бергену, как если бы он хотел отрезать авангард Кюстина, находившийся под командованием Гушара в Гомбурге. Но последний спешно отступил за Nidda, Калькрейт сразу же быстро направился вперед до Беккенгейма, по Франкфуртскому шоссе. Там он откомандировал своего лейтенанта — полковника Пелле — с предписанием к генералу Ван Гельдену, коменданту города; Ван Гельден переслал это предписание Кюстину". Обрисовав гнев, и возмущение Кюстина по получении им этого предписания, автор мемуаров далее пишет: "Но весь этот гнев, бурливший в письмах и на словах, был только игрой, и ни один человек из армии Кюстина не пошевелил пальцем для защиты Франкфурта. Кюстин-сын имел тогда тайное свидание с герцогом Брауншвейгским у Кенигштейна; он был с ним лично знаком, сблизившись на почве взаимной тайной политической договоренности, они легко пришли к соглашению. В этот же день молодой Кюстин отправляется во Франкфурт к коменданту Ван Гельдену, чтобы сделать ему дружеский визит, не имея, однако, как он ему сказал, поручений от отца. Завязывается беседа, и Кюстин, видя Ван Гельдена в большом затруднении, преувеличивает перед ним опасность, в которой тот находится, уверяя его, что он вынужден был для того, чтобы попасть к нему, пробивать себе дорогу через вражеский стан и что город уже весь окружен по берегу Майна. Взвешивая обстоятельства, он ему осторожно внушает решение об отступлении в ближайшую ночь, но в то же время заявляет, что не имеет для передачи никаких распоряжений либо советов от отца. Подобное внушение могло лишь усилить колебания коменданта, все же не решавшегося принять на свою ответственность решение, противоположное распоряжениям своего генерала. С другой стороны, если бы молодой Кюстин не считался состоящим на службе в армии, его личная безопасность не охранялась бы конвоем из кавалерии, и все же ведь он был сыном главнокомандующего".

После описания капитуляции, князь Гарденберг сообщает: "На следующий день Кюстин, не давший боя, чтобы спасти Франкфурт, проявил еще меньше склонности взять его обратно в свои руки... Он отступил к Касселю и Майнцу, не смея даже отбиваться... оставляя, таким образом, на правом берегу все немецкие области, за исключением форта Кенигштейн, куда он бросил 500—600 человек".¹¹ Сходное с этим изображение поведения Кюстина во время капитуляции Франкфурта дает его адъютант. По его словам, Кюстин, зная о наступлении пруссаков, действовал крайне вяло и небрежно. "Эмиссары докладывали, в то же время, 7 ноября, что эти самые пруссаки, головные колонны которых показались 4 ноября в Кобленце, расположились на правом берегу Рейна, приближаясь к речке Лап. Но эти новости не особенно обеспокоили генерала Кюстина, и он, возможно, не принял бы никаких мер, если бы служившие под его начальством некоторые офицеры, чувствуя, к каким результатам может привести малейшая небрежность, не заявили ему, что необходимо занять позицию, закрыть проход через Лан".¹² Только под давлением этих настоятельных требований Кюстин отдал соответствующие распоряжения. На все донесения о продвижении пруссаков по правому берегу Рейна Кюстин упорно отвечал, что он не видит в этом ничего серьезного и опасного.

Тот же адъютант доказывает, что Кюстин не мог не знать, что Франкфурт будет вынужден капитулировать, так как он не принял никаких мер, чтобы подготовить город к обороне, а наоборот, разоружил его: "Генерал Кюстин приказал Ван Гельдену обороняться в случае атаки, но он оставил ему слишком мало сил, чтобы это можно было провести на деле. Гарнизон во Франкфурте состоял, примерно, из 2 000 человек, но главнокомандующий перед тем увел оттуда всю французскую артиллерию, оставив лишь два артиллерийских орудия".¹³

Далее адъютант описывает свидание сына Кюстина с Ван Гельденом, причем рассказ об этих переговорах полностью совпадает с рассказом князя Гарденберга. Адъютант приходит к справедливому заключению, что "невозможно предположить, чтобы генерал Кюстин не знал о поездке своего сына, так как последний, непрерывно получавший в армии поручения, имел при себе конвой из кавалерии... и так как странно было бы

предположить, чтобы отправлялись под ружейными выстрелами делать дружеские визиты, а тем более визиты вежливости".¹⁴

Таким образом, эти сообщения различных лиц, во многом совпадающие, проливают свет на историю капитуляции Франкфурта и на роль Кюстина в этой потере.

Капитуляция Майнца тоже явилась результатом предательства Кюстина. Комиссары Конвента в Мозельской армии пришли к подобному выводу сразу после потери этого города. Они писали Конвенту:

"Вчера мы поделились с вами, граждане коллеги, нашими надеждами и сообщили вам о почти обеспеченных победах. Мы тогда совсем не знали, что Майнц находился в это время в руках врага, и что 23-го была подписана позорная капитуляция. Гарнизон еще имел хлеб, город ни в чем не нуждался, и Майнц сдался в такой момент, когда две победоносные армии шли ему на помощь. Не позже чем через восемь дней мы вступили бы в этот город.

"Представьте себе, если вы только можете, отчаяние генерала и наше справедливое негодование. Огромная артиллерия, оставшаяся в этом городе, стала добычей деспотов, которых мы обращали в бегство. Кюстин, наконец, торжествует... "Мы не можем скрыть, граждане коллеги, насколько потеря Майнца изменила положение обеих армий, Рейнской и Мозельской, и мы должны тщательно искать виновников капитуляции, слишком трудно вяжущейся с нашими победами, чтобы казаться естественной. Офицер, принесший нам эту печальную новость и не постыдившийся выполнить столь позорное поручение, говорил нам о записке, подписанной Кюстином, которая должна находиться у коменданта или же в военном совете. Мы потребовали у него письменных показаний за его подписью, которые мы вам и посылаем. Мы думаем, что в целях безопасности надо убрать Кюстина с фронта. Этот мерзавец может теперь беспрепятственно сдать города Конде и Валансьенн...

"Сопоставьте, граждане коллеги, сдачу этого города (Майнца) с предложениями Кюстина, который все время говорил, что надо начать наступление в направлении к Майнцу не раньше 15 августа...) Кюстин ни в коем случае не может быть республиканцем, его поведение по отношению к королям, его снисходительность к прусскому королю, отступление из Майнца, донесения и опасения всех подлинных патриотов, — все это должно нас заставить покарать этого глубоко развращенного человека... Подписи: Морибон-Монто, Субрани"¹⁵

Предположение комиссаров полностью подтвердилось во время процесса. Так, было установлено, что, не взирая на закон о снабжении важнейших городов, Кюстин лишил Майнц всякого обмундирования и снабжения; дело дошло до того, что гарнизон питался крысами. Оставив Майнц в безнадежном состоянии, Кюстин умышленно обманывал Конвент, утверждая, что за Майнц, якобы, беспокоиться не следует, что этот город сможет удержаться и бее помощи Мозельской армии. Свидетель Антуан Мерлен, комиссар Конвента при Рейнской и Мозельской армиях, сообщил суду, что, прибыв в Майнц, он застал там народное общество в состоянии полной дезорганизации; по распоряжению Кюстина был арестован один из самых активных и преданных его организаторов — доктор Гоффман. Свидетель Циммерман сообщил суду, что враги никогда не проникли бы в Майнц, если бы был взорван мост, так как в этом случае им пришлось бы пробираться через непроходимые леса. Но Кюстин принудил подать, в отставку преданного республике бригадного генерала, прославившего эту армию, и мост не был взорван. Автор этого предложения, бригадный генерал Штилинский, подтвердил этот факт.

Наконец, одно обстоятельство окончательно дает основание утверждать, что Капитуляция Майнца, подобно потере Франкфурта, явилась результатом измены Кюстина. Во время осады Майнца к коменданту города, генералу Дойре, явился агент Кюстина, адъютант Боз, вручивший ему записку за подписью Кюстина с предложением немедленно капитулировать. Записка эта была вручена коменданту в присутствии прусского генерала. Письменные показания офицера по этому поводу своевременно были пересланы в Комитет общественного спасения комиссарами Конвента при Мозельской и Рейнской армиях и оглашены Барером на заседании Конвента 28 июля 1793 г. Ряд свидетелей подтвердили на суде этот факт, причем некоторые из них

сообщили интересные подробности. Так, комиссар при Рейнской армии Ревбель рассказал:

"Я был назначен сопровождать генерала. Прибыв на место, мы застали Боза и многих прусских и гессенских офицеров. Боз пробормотал, что у него для нас плохие вести, что армия Кюстина сильно ослабела. Я ему заметил, что он должен говорить громко, так, чтобы все могли его слышать. Он продолжал, заявив, что в Париже происходит ожесточенное восстание, что Национальный конвент разогнан, дофин — провозглашен королем, что Дюмурье идет на Париж со своей армией, чтобы водворить там порядок.

Мы были мало склонны верить словам Боза. Тогда один из прусских офицеров сказал нам, что все эти факты совершенно верны, и чтобы нас убедить, он вытащил из кармана "Moniteur", изданный во Франкфурте. Мы сделали вид, что не слушаем офицера, и занялись исключительно Бозом, сообщившим нам, что он имеет много писем с поручениями от генерала Кюстина...

Мы бросили Бозу упрек, что он вел себя как трус, взявшись выполнить подобное поручение, и заметили ему, что если бы он показался в Майнце, мы бы его арестовали".¹⁶

Некоторые свидетели также утверждали, что Кюстин имел полную возможность овладеть Кобленцем и Маннгеймом, но умышленно этого не сделал. Так, во время пребывания Кюстина в Майнце к нему явилась депутация из Кобленца с просьбой занять этот город, но Кюстин им ответил, что у него нехватает сил. Адъютант Кюстина в своих воспоминаниях подтверждает этот факт и утверждает, что в тот момент имелась полная возможность занять Кобленц. По его словам, "не было никаких препятствий, которые помешали бы добраться до Кобленца, по обоим берегам Рейна легко было пройти, и по пути не могло встретиться ни одного человека, с которым пришлось бы драться; Рейнфельд, небольшую крепость, расположенную влево по течению и принадлежащую ландграфу Гессенскому, действительно охранял гарнизон, но слишком слабый, чтобы предпринять что-нибудь за пределами крепости... Опасаться было абсолютно нечего; не оставалось места для каких бы то ни было неожиданностей... Генерал Кюстин не мог опасаться, что он будет опережен пруссаками; они находились слишком далеко, чтобы прибыть во время; для этого они должны были бы отступить с французской территории, они шли бы медленно, так как были бы преследуемы врагом..."¹⁷

Свидетель Мерлен утверждал, что население Маннгейма изъявило желание открыть французской армии ворота своего города, но Кюстин заявил, что считает занятие Маннгейма бесполезным. Однако занятие этих пунктов принесло бы большую пользу даже с чисто стратегической точки зрения, не говоря уже о том серьезном морально-политическом значении, которое это имело бы.

Изменник-генерал не принял никаких мер для снабжения армии в крепости Конде. Солдаты, стоявшие в Конде, голодали, в то время как в городе имелся избыток продовольствия, продаваемого из-под полы по невероятно вздутым, спекулятивным ценам. Свидетель Гентц, комиссар Конвента при Арденнской армии, сообщил на суде, что на заседании военного совета был разработан подробный план помощи Конде; с этой целью Гушар должен был атаковать Арлон. План был принят, но Кюстин сорвал его выполнение, предписав Гушару не производить атаку. В то же время, по словам Гентца, план освобождения Конде был вполне выполним, так как через шпионов было хорошо известно, что имеется возможность свободного продвижения.

Кюстин систематически разоружал город Лилль, не обращая внимания на серьезные предостережения по этому поводу.

Генерал Фавар, комендант Лилля, писал Кюстину 25 июня 1793 г.: "Генерал, я получил ваше письмо от 23-го с.м., в котором вы ставите меня в известность, что вы уполномочили генерала Ламарлиера забрать из Лилля 30 артиллерийских орудий из 48... Я считаю своим долгом, генерал, сказать вам, что обезоружить в такой степени Лилль небезопасно..."¹⁸ Далее, Фавар доказывал, к каким тяжелым последствиям может привести это мероприятие. Тем не менее, Кюстин подтвердил свой приказ, и его сообщник Ламарлиер поспешил его выполнить.

Все поведение Кюстина в армии свидетельствует о его враждебности революции. Так, во время процесса было установлено, что он часто давал совершенно необоснованные распоряжения о расстреле солдат, особенно волонтеров, за совершенно незначительные проступки. По заявлению свидетеля Кутюрье, члена Конвента, в

в Страсбурге о Кюстине ходили упорные слухи, что он вместе со своими приближенными генералами Бланшаром и Гушаром расхищал и присваивал себе имущество замков. Свидетель Циммерман заявил, что Кюстин вывез из Страсбурга драгоценную мебель в свой дом, находившийся за пределами города.

Во время своего пребывания в Майнце Кюстин со своими друзьями устраивал пьяные оргии, что вызывало справедливое возмущение среди населения города.

Генерал-изменник окружил себя шпионами и различными сомнительными личностями. Так, он допустил в штаб армии барона де Револь, о котором ходили упорные слухи, что он является прусским шпионом. Комендантом крепости Ландау он назначил некоего Давриньи, человека с крайне сомнительным прошлым; тот сразу же проявил свою враждебность революции, не дав возможности жителю Ландау принести присягу.

Чрезвычайно характерно, что враги революции возлагали большие надежды на Кюстина и несколько не сомневались в том, что он является их единомышленником и сообщником. Так, по словам свидетеля Мерлена, Бернонвиль сказал, обнимая Кюстина: "Генерал, я вас не знал и был о вас другого мнения. Теперь у нас дело пойдет".

Жирондист Барбару писал 18 июня из Кана: "К счастью, на этой границе командует Кюстин".¹⁹

В официальном бюллетене мятежной Бретонской армии, выпускавшемся в Ренне, можно было прочесть: "Центральное собрание постановляет написать генералу Кюстину, чтобы он оставался на своем посту, даже если заговорщики из Конвента постановят его отстранить".²⁰ⁱⁱⁱ

По-видимому, об измене Кюстина было хорошо известно в реакционных кругах царской России, так как впоследствии известный реакционный публицист Греч в своей книге "По поводу произведения маркиза Кюстина "Россия в 1839 г." дал следующий отзыв о семье Кюстина: "Произведение маркиза Кюстина, — подумал я про себя, — выходца из благородной семьи, пожертвовавшей во имя долга и чести всей своей жизнью, произведение этого остроумного красноречивого писателя, который во время своего недолговременного пребывания в России был принят при дворе с лестной милостивой благосклонностью".²¹ Вряд ли представитель реакционной мысли дал бы такой отзыв о семье революционного генерала: очевидно, за границей было хорошо известно, кому на деле служил Кюстин.

Таким образом, и материалы процесса, и мемуарная литература дают возможность установить бесспорный факт измены Кюстина. Изменник-генерал был приговорен к смертной казни.

Характерно, что реакционный историк Валлон, стремясь внушить читателю, что Кюстин не являлся изменником, сознательно фальсифицировал материалы процесса. Он умалчивает о важных местах свидетельских показаний, характеризующих предательскую деятельность Кюстина: о поездке Боза в Майнц, распространении ложных политических сведений при содействии прусских офицеров и издании фальшивого экземпляра "Moniteur", категорическом отказе Кюстина отдать приказ о взрыве моста близ Майнца, об умышленном срыве плана помощи Конде.²²

Разоблачение и казнь Кюстина были сильным ударом по контрреволюционным элементам, свившим себе гнездо в Северной и Рейнской армиях. Однако этот удар еще не был окончательным. Дюмурье и Кюстин оставили в армии своих сообщников, часть которых была впоследствии разоблачена и осуждена Трибуналом.

С этой точки зрения интересно дело генерала Гушара.

Гушар являлся ставленником Кюстина. Уже материалы процесса последнего рисуют Гушара в довольно невыгодном свете. Во время суда над Кюстином выяснилось, что Гушар принимал участие в расхищении и присвоении ценностей, найденных в немецких замках, и дискредитировал революционную армию во Франкфурте, проводя там реквизиции в чрезвычайно грубой форме и в непомерных размерах. Член Конвента Левассер пишет в своих воспоминаниях, что, узнав о смерти Кюстина, Гушар воскликнул: "Хотят гильотинировать всех генералов!".

Н. Ф. Козан

ГЕНЕРАЛЫ – ИЗМЕННИКИ ПЕРЕД СУДОМ
ПАРИЖСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

ⁱⁱⁱ Материалы о жирондистах: http://vive-liberta.narod.ru/discuss/gironde_ind.html. В частности, А.Гордон, «Федералистский мятеж» (<http://vive-liberta.narod.ru/journal/gordon6.pdf>)

26 сентября 1793 г. комиссары Конвента в Аррасе послали в Париж следующее донесение о Гушаре: "Генерал Гушар и его штаб виновны, — и это бросается в глаза даже наименее проницательному человеку, — в том, что они не использовали побед, одержанных храбрыми солдатами наших армий вопреки вероломным распоряжениям штаба, который не считался с установленным планом и устроил все так, чтобы привести к поражению. Он отстранен и арестован".

"Мы обнаружили, — писали комиссары, — его переписку с иностранными государями. Из нее вытекает, что наши армии были доверены другу наших врагов, ставленнику Кюстина. Так, герцог Йоркский, видя, что солдаты не подчиняются распоряжениям, отданным для того, чтобы искромсать нас при Гондшоте, жаловался: "Нас предали". Наша армия — республиканская, она с удовольствием видит, что предатель отдан в руки правосудия и что представители народа наблюдают за генералами. Подписи: Гентц, Пейссар и Дюкенуа".²³

24 октября 1793 г. Конвент вынес постановление о предании Гушара суду Революционного трибунала.

Подсудимый был приговорен к смертной казни. Аналогичный характер носило дело лейтенанта Ламарлиера, разбиравшееся на заседании Революционного трибунала 25 и 26 ноября 1793 г. Ламарлиер являлся ставленником Кюстина и его сообщником; ему было предоставлено общее руководство гарнизонами Лилля и Дуэ. При его помощи Кюстин осуществлял свои преступные замыслы, направленные к разоружению Лилля. Его действия привели к ряду поражений Северной армии.

Ламарлиер был, по-видимому, связан со шпионской организацией, субсидируемой Питтом. В письме, которое было обнаружено в утерянном портфеле одного английского шпиона и оглашено Барером в Конvente 1 августа, имеется следующее упоминание о Ламарлиере: "Не щадите ничего, не теряйте из вида К..., он надежен, как золото; будучи другом Ламарлиера, он нам сможет быть вдвойне полезным в любое время".²⁴

Но, выполняя преступные распоряжения Кюстина, Ламарлиер встретил серьезное сопротивление. Комендант Лилля, преданный республиканец генерал Фавар, всячески противился выполнению этих распоряжений, понимая, к каким губительным последствиям могут они привести. 25 июля он написал Кюстину докладную записку, в которой доказывал недопустимость разоружения Лилля.

Исполнительный совет Лилля полностью поддержал Фавара, но Кюстин в тот же день в своем ответе потребовал беспрекословного повиновения своему приказу и предоставил Ламарлиеру право неограниченно распоряжаться всеми силами лилльского гарнизона.

Генерала Фавара поддержал капитан Каландини; он сообщил 29 ноября Якобинскому клубу, что Ламарлиер окружил себя явно враждебными республике генералами из свиты Дюмурье. В ответ на это разошедшийся Ламарлиер позволил себе циничные издевательства над Каландини: заставил его в своем присутствии раздеться догола и угрожал, что выдаст его врагу. Однако генералу-изменнику так и не удалось заставить республиканцев замолчать, и генерал Лавалетт сообщил обо всех этих фактах в военное министерство. В своем заявлении Лавалетт описывает следующий весьма любопытный факт: во время своего пребывания в Лилле Кюстин вел разговоры со своими приближенными, в числе которых находился и Ламарлиер, о том, что надо добиться смещения военного министра Бушотта и выдвижения на этот пост Ламарлиера. Далее Лавалетт сообщал, что Ламарлиер ведет себя в Лилле как предатель: ворота города бывают открыты по ночам, из города уводятся хорошие крепкие батальоны и оставляются только самые слабые и недисциплинированные.

Выяснилось также, что в борьбе со своими разоблачителями Ламарлиер не гнушался клеветой. В этом отношении он встретил полное содействие со стороны редактора городской газеты (брата убийцы члена Конвента Лепелетье де-Сен-Фаржо), помещавшего в газете клеветнические статьи Ламарлиера.

31 июня 1793 г. на заседании Конвента Сент-Андре^{iv} сообщил один факт, ярко характеризующий политическое лицо Ламарлиера и его предательскую деятельность.

---

^{iv} Жанбон Сент-Андре — депутат Национального конвента, член Комитета общественного спасения, один из наиболее активных «представителей в миссии», вел колоссальную организационную работу по реформированию и обеспечению республиканской армии и флота. О нем см.: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#gb-s-an>.

Письмо одного эмигранта, перехваченное и переданное министром иностранных дел в Комитет общественного спасения, гласило, что автор его однажды уже проник в Лилль, благодаря содействию Ламарлиера, и что он собирается туда проникнуть еще раз, так как ему необходимо получить в этом городе важные сведения.

После разоблачения Кюстина Ламарлиер лишился покровителя, и дело его начало принимать другой оборот. Комиссары Лесаж-Сено и Дюгем в своем письме в Комитет общественного спасения просили, чтобы Ламарлиер был вызван в Париж и дал отчет о своем поведении, но в Париже уже имелось определенное мнение по этому вопросу. 24 июля Робеспьер сказал с трибуны Конвента: "Общественное благополучие требует, чтобы был пролит свет на это дело. Всем известно, что Ламарлиер являлся близким другом Кюстина, что они совместно составили заговор... Мне известно все происходящее в Лилле, у меня в руках все доказательства. Я ручаюсь головой перед лицом всей Франции, что Ламарлиер принял все меры, чтобы выдать Лилль австрийцам, и что Лавалетт приложил все усилия, чтобы с этим бороться. Вспомните измену Дюмурье; этот изменник направил в Лилль Мясцинского, чтобы сдать город врагам. Лавалетт предотвратил это. Затем он разоблачал, насколько это было в его силах, маневры Ламарлиера... Лавалетт явится в Париж, и Комитет общественного спасения и Исполнительный совет, лучше осведомленные, воздадут должное его преданности республике и восстановят его на посту".²⁵

В тот же день вопрос о поведении Ламарлиера дебатировался в Якобинском клубе. Робеспьер и здесь произнес горячую обвинительную речь против изменника-генерала. В ответ на его слова раздались возгласы: "Долой дворян!"

27 июля Комитет общественного спасения разобрал это дело, и 31-го Сент-Андре сделал по данному вопросу сообщение в Конвенте, после чего было принято постановление предать Ламарлиера суду Революционного трибунала. Во время предварительного допроса изменник упорно отпирался от всех предъявленных ему обвинений, но все же вынужден был признать, что Кюстин действительно собирался выставить его кандидатуру на пост военного министра.

Ламарлиер продолжал отпираться и на суде. Однако, все обвинения подтвердились. Во время разбора этого дела полностью была разоблачена предательская деятельность Ламарлиера, и показаниями свидетелей была точно обрисована обстановка, созданная в Лилле изменником. Ворота города бывали часто открыты по ночам, город был наводнен шпионами; Ламарлиер выполнял все преступные распоряжения Кюстина о разоружении Лилля, несмотря на справедливые протесты Фавара.

Предательство Ламарлиера было разоблачено, и по постановлению Революционного трибунала он был гильотинирован.

Вступая в явное противоречие и с историческими фактами и с элементарной логикой, Валлон берет под защиту Ламарлиера, изображая его жертвой личной склоки. О некоторых материалах по этому делу, опубликованных в столь распространенном издании, как "Moniteur" (например, о письме эмигранта, об упоминании имени Ламарлиера в перехваченном письме английского шпиона), автор умышленно умалчивает, но даже приводимый им самим фактический материал находится в явном противоречии с тем выводом, к которому он приходит. Валлон цитирует такие документы, как донесение Каландини, передает содержание донесений Лавалетта о связях Ламарлиера со шпионами и содержание обвинительного акта, в котором упоминается о вывозе из Лилля артиллерии, открывании по ночам ворот города и т. д., указывает, что все факты, изложенные в обвинительном заключении, были подтверждены генералом Фаваром, и все-таки... заявляет, что Ламарлиер — невинная жертва (?!).²⁶

Аналогичным образом фальсифицирует Валлон и процесс сына Кюстина, уверяя читателя, что молодой Кюстин невинно пострадал за грехи своего отца (которые автор тоже считает мнимыми). Исторические факты приводят нас к обратному выводу: несомненно, сын Кюстина являлся сообщником отца.

Его сообщничество с отцом в его предательской деятельности в Рейнской армии можно считать бесспорным фактом. Цитированные выше мемуары двух лиц, находившихся во время войны во враждебных лагерях (князя Гарденберга и адъютанта Кюстина) проливают свет на дело Кюстина-сына и позволяют считать, что Парижский

революционный трибунал не допустил никакой ошибки. 3 января 1794 г. он разобрал дело Кюстина-сына и приговорил его к смертной казни.

Таким образом, вражеское гнездо, которое контрреволюция свила в Северной и Рейнской армиях, было разгромлено. Это привело к оздоровлению этих армий и обеспечило победу на фронтах.

Классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали огромное значение революционного якобинского террора в победе над контрреволюционной коалицией.

В одном из своих писем к Марксу Энгельс пишет: "И кто во время первой французской революции внес дисциплину в армию? Не генералы, которые начинают пользоваться влиянием и авторитетом у импровизированных армий лишь после нескольких побед революции, а terreur внутренней политики, гражданской власти".²⁷

Деятельность Парижского революционного трибунала сыграла крупную роль в обороне страны от интервентов и в борьбе с их агентами во Франции.

Нам, людям Советской страны, первой страны победившего социализма, близки и понятны традиции беспощадной борьбы с врагами народа, завещанные якобинской диктатурой 1793/94 г.

1 В.И.Ленин, Грозная катастрофа и как с ней бороться, Соч. т. XXI, 1928, стр.190.

2 Buchez et Roux, Histoire parlementaire de la r?volution fran?aise, t. XXVII, p.101.

3 "Moniteur", № 98 за 1793 г.

4 Wallon, Histoire du Tribunal r?volutionnaire de Paris, v.I, pp.99, 100.

5 Buchez et Roux, op.cit., t. XXV, p.286.

6 "M?moires posthumes du g?n?ral francais comte de Custine, r?dig?s par un de ses aides de camp", 1794, v.II, p.229.

7 Buchezet Roux, op. cit., t. XXVII, p.262.

8 Aulard, La soci?t? des Jacobins, t.V, p.231.

9 Aulard, La soct?t? des Jacobins, t.V, стр.244.

10 "M?moires posthumes du g?n?ral francais comte de Custine, r?dig?s par tin de ses aides de camp", 1794, pp.68, 69.

11 Prince de Hardenberg, M?moires, v.II, p.47 (цитировано по книге: Buchez et Roux, Histoire parlementaire de la Revolution fran?aise).

12 "M?moires posthumes du g?n?ral Fran?ais comte de Custine, r?dig?s par tin de ses aides de camp", 1794, t.II, p.67.

13 Ibidem, p.127.

14 Ibidem, p.141.

15 "Moniteur", № 212 за 1793 г.

16 Buchez et Roux, op. cit., t. XXIX, pp.280, 281.

17 "M?moires posthumes du g?n?ral francais comte de Custine, r?dig?s par un de see aides de camp", t.I, p.141.

18 "Moniteur", № 206 за 1793 г.

19 Wallon, Histoire du Tribunal r?volutionnaire de Paris, t.I, p.236.

20 "Moniteur", № 206 за 1793 г.

21 Gretsch, Ueber das Werk: "La Russie en 1839" par le marquis de Custine 1844, p.1.

22 См. изложение вопроса в книге Wallon, Histoire du Tribunal r?volutionnaire de Paris, t.I. pp.226—252.

23 Wallon, Histoire du Tribunal r?volutionnaire dc Paris, t.I, pp.84, 85.

24 "Moniteur", № 215 за 1793 г.

25 "Moniteur" от 25 июля 1793 г.

26 Wallon, Histoire du Tribunal r?volutionnaire", t.11, pp.102—120.

27 Ф.Энгельс, Письмо к Марксу от 26 сентября 1851 г., К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т. XXI, 1932, стр.280.

Тематические материалы в нашей библиотеке:

«Террор в порядке дня!» http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_terr.pdf
(подборка документов)

А.Дживелегов. Армия Великой французской революции и ее вожди http://vive-liberta.narod.ru/biblio/jvelg_army.pdf

- Р.Авербух. Террористический режим во Франции в 1793-94 гг. http://vive-liberta.narod.ru/journal/aver_terr.pdf
- Фоссей Дж. Кобб Херншоу. Европейские коалиции, союзы и согласия, 1792-1918 гг. <http://vive-liberta.narod.ru/doc/mid2.pdf>
- ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 гг. (подборка документов) http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_classtrug.pdf
- Э.Ференбах. Идеологизация войны и радикализация Французской революции http://vive-liberta.narod.ru/journal/arm_fehrenbach.pdf
- А.Гордон. Федералистский мятеж <http://vive-liberta.narod.ru/journal/gordon6.pdf>
- А.Нарочницкий. Вопросы войны и мира во внешней политике якобинской республики летом 1793 г. http://vive-liberta.narod.ru/journal/naroch_dip_2.pdf
- В.Третьяков. Французские революционные войны 1792-96 гг. Стратегический очерк <http://vive-liberta.narod.ru/journal/tretyakov.pdf>
- Г.Форстер. Революционные события в Майнце http://enlightment2005.narod.ru/private/Allem/schub_forst.htm#forst2
- М.Буковецкая. Борьба якобинцев за создание революционной армии Франции http://vive-liberta.narod.ru/journal/arm_bukov.pdf
- М.Булуазо. Комитет Общественного спасения http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_66_CPS.htm
- Международная политика в документах <http://vive-liberta.narod.ru/journal/dipl.htm#mid>
- Проблемы якобинской диктатуры: тогда и теперь (дискуссии 1970 и 1995 гг.) http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_70_jacobdict.htm
http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_95_jacobdict.htm
- Я.Старосельский. Проблемы якобинской диктатуры http://vive-liberta.narod.ru/biblio/starsl_jc_1.htm